

ГАРРИ ГАРРИСОН,
ДЖОН ХОЛМ

**Король
и император**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
Г 21

Harry Harrison
KING AND EMPEROR

Copyright © 1996 by Harry Harrison and John Holm
All rights reserved

Публикуется с разрешения наследников автора при содействии
Агентства Александра Корженевского (Россия).

Перевод с английского Виктора Гаврилова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки
Сергея Шикина, Татьяны Павловой

Иллюстрация на обложке Виталия Еклериса

ISBN 978-5-389-19643-8

© В. Н. Гаврилов (наследник), перевод, 2021
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

*Стамфорд,
март 875 года от Рождества Христова*

— Это же просто деревня! — раздавались возмущенные голоса. — Несколько хижин на обочине. Столица Севера, подумать только! Даже не столица болот. Никогда там ничего не было и не будет.

Обитатели Стамфорда, как немногие старожилы, так и гораздо более многочисленные пришельцы, с легкостью переносили насмешки соседей. Они могли себе это позволить. Не важно, какая у города собственная история, ведь он сделался главной резиденцией короля Севера, бывшего когда-то соправителем Англии, до этого ярлом, еще раньше — карлом великой армии, а в самом начале — чуть ли не трэллом в болотной деревне. Теперь его величают единым королем, к имени и титулу — король Шеф — его норманнские подданные добавляют эпитет *Sigrsaell*, а английские — *Sigesaelig*, что означает на обоих языках одно и то же: Победоносный. Этот король никогда не повторяет свои распоряжения дважды. Коль скоро он объявил, что столица будет в захудалом Стамфорде, значит так тому и быть.

После его легендарной победы над братьями Рагнарсонами в великой битве при Бретраборге в 868 году по христианскому летосчислению, последовавшей за его победой в поединке со шведским королем у священного дуба в Упсале, Шеф, единый король, стал сюзереном всех мелких властителей скандинавских племен — данов, све-

ев и норвежцев. Пополнив свой флот за счет вице-королей, среди которых самыми выдающимися были его боевые товарищи Гудмунд Свейский и Олаф Норвежский, Шеф с новыми силами вернулся в Британию. Там он не только восстановил власть над Восточной и Средней Англией, которые сами признали его господство, но и быстро внушил благоговейный трепет мелким правителям Нортумбрии и южных графств, а потом принудил к подчинению еще и шотландцев, пиктов и валлийцев. В 869 году король Шеф предпринял морскую экспедицию вокруг Британских островов, выйдя из лондонского порта и направившись на север вдоль английского и шотландского побережья, коршуном налетев на беззаботных пиратов Оркнейских и Шетландских островов и заставив их задуматься и устрашиться, а затем повернул на юг и снова на запад, пройдя сквозь бесчисленные острова шотландцев, вдоль разбойных западных берегов до самого Лендс-Энда. Только там он вновь встретил закон и порядок, убрал когти и поплыл на восток в сопровождении дружественных кораблей короля Альфреда, правителя западных саксов, и наконец вернулся в родную гавань.

С тех пор обитатели Стамфорда могут смело похвастаться тем, что дают приют королю, чья власть простирается от самого западного острова архипелага Силли до оконечности мыса Нордкап, на две тысячи миль к северо-востоку. Эта власть неоспорима и лишь номинально делится с королем Альфредом; границы его скудных владений король Шеф неизменно чтит, свято соблюдая договор о совместном правлении, который они заключили в годину бедствий, десять лет назад.

Но жители Стамфорда не смогли бы объяснить — да не особенно и задумывались над этим, — почему самый могущественный со времен Цезаря король Севера выбрал место для своего дома в болотах Средней Англии. Зато королевские советники много раз заговаривали с ним на

эту тему. Ты должен править из Уинчестера, говорили одни, натываясь на хмурый взор единственного монаршьего ока, — ведь Уинчестер остался столицей Альфреда на Юге. Править надо из Йорка, предлагали другие, пребывая под защитой крепостных стен, которые король сам когда-то взял приступом. Лондон, твердили третьи, долгое время находившийся в запустении, так как там не было ни короля, ни двора, а теперь ставший центром оживленной торговли со всем светом, от богатых пушниной северных краев до винодельческих земель Юга, набитый судами с хмелем, медом, зерном, кожами, салом, шерстью, железом, жерновами и уймай прочего добра; и все купцы платят пошлины представителям обеих королев — Шефа на северном берегу и Альфреда на южном. Нет, говорили многие приближенные к Шефу даны, править надо из древней цитадели королев Скьельдунгов, из Глетраборга, ведь там находится центр твоих владений.

Король не соглашался ни с кем. Будь это возможно, Шеф выбрал бы город в самом сердце болот, ведь он и сам был дитя болот. Но большую часть года до города Или, да и до Кембриджа, было попросту не добраться. В Стамфорде хотя бы проходила Великая северная дорога римлян, которую по приказу короля заново вымостили камнем. Именно здесь Шеф решил воздвигнуть Wisdom-hus, Дом Мудрости, который должен был увенчать дела его правления и стать новым святилищем Пути в Асгард: не просто заменить старое святилище в норвежском Каупанге, но превзойти и затмить его. Здесь будут собираться жрецы Пути, делиться своими открытиями и учиться сами.

Один из законов жрецов Пути гласил, что они должны сами зарабатывать себе на хлеб, а не жить на церковную десятину и подушную подать, как христианские попы. Тем не менее король назначил в святилище опытного казначея, бывшего христианского монаха отца Бонифа-

ция, и велел ссужать деньги всем нуждающимся жрецам Пути, с тем чтобы расплатились, когда смогут, работой, знаниями или звонкой монетой. Теперь со всего Севера стекались сюда люди Пути, чтобы увидеть, как мелется зерно на водяных и ветряных мельницах, и расходились по своим землям, научившись молотить, а также ковать железо с помощью падающих молотов и мехов постоянного дутья. Они узнавали, как применять новые машины там, где раньше пользовались лишь мускульной силой рабов. Отец Бонифаций, с разрешения короля, но без его ведома, нередко давал деньги таким посетителям, выторговывая себе долю в прибыли от новой мельницы или кузницы на срок в пять, десять и двадцать лет.

Серебро, которое текло в сундуки короля и в сундуки Пути, раньше привлекло бы десятки тысяч почуявших добычу викингов. Но теперь на Севере лишь изредка можно было увидеть бородатого пирата, да и то болтающегося на прибрежной виселице в назидание себе подобным. Королевские корабли патрулировали моря и подходы к гаваням, а несколько городов и фьордов, что остались за приверженцами прежнего обычая, один за другим подвергались визитам объединенного флота, в котором собрались силы слишком многих вице-королей, чтобы у кого-то возникло желание сопротивляться.

Жители Стамфорда не знали, да и не желали знать, что сама незначительность и безвестность их города была для короля лучшей рекомендацией. В конце концов тот признался своему старшему советнику Торвину, жрецу Тора, стоящему во главе святилища Пути:

— Торвин, место для новых знаний там, где нет древней истории и древних традиций, которым люди подражают и которые чтут, но которых не понимают. Я всегда говорил, что важно не только новое знание, но и старое, забытое всеми. Однако хуже всего старое знание, ставшее священным, не вызывающим сомнений, настолько обще-

известное, что о нем уже никто не задумывается. Мы начнем все сначала, ты и я, в таком месте, о котором никто не слышал. Там не будет витать дух чернил и пергамента!

— Не вижу ничего плохого в чернилах и пергаменте, — возразил жрец. — Особенно из телячьих кож. У Пути есть собственные книги древних сказаний. Даже твой железных дел мастер Удд научился записывать свои открытия.

Король нахмурился, подбирая слова:

— Я ничего не имею против книг и письма как ремесла. Но люди, которые учатся только по книгам, приходят к убеждению, что в мире ничего больше нет. Они делают себе из книг библию, и таким вот образом старые знания превращаются в устаревшие мифы. Мне нужны новые знания или старые, но позабытые. Поэтому в Стамфорде, в Доме Мудрости, мы возьмем за правило: любой, будь то мужчина или женщина, человек Пути или христианин, любой, кто сообщит нам новое знание или покажет, как с пользой применить старое, получит награду бóльшую, чем за долгие годы добросовестного труда или за многие грабежи с викингами. Мне больше не нужны громилы Рагнарссонов. Пусть люди проявят свою доблесть по-другому!

В 875 году от Рождества Христова — а хронисты Пути, хоть и отвергли христианского Бога, придерживались христианского летосчисления — столицу построили, и политика Шефа стала приносить свои плоды: иногда сладкие, а иногда горькие.

ГЛАВА 1

Высоко в небе белели маленькие облака, гонимые сильным юго-западным ветром. Их тени скользили по свежей ярко-зеленой траве, по жирно-коричневым пятнам пахотной земли, по спинам тяжеловозов, неторопливо тянущих плуги по весенним полям. В просветах сияло горячее солнце — его заждалась пробудившаяся от зимней спячки Англия. Многие верили, что долгая ночь миновала, и приветствовали новый день, новый расцвет при молодом короле и его еретическом, но благотворном правлении.

На рыночной площади Стамфорда толпилось не меньше двух тысяч человек, собравшихся с окрестных полей, чтобы поглазеть на обещанную невидаль. Таны и керлы явились с женами и детьми; они откидывали капюшоны, подставляя лица солнцу; иные с опаской — не хлынет ли дождь — снимали свои грубые накидки. На простецких, невыразительных лицах светились удивление и даже восторг. Ведь нынче этим людям предстояло увидеть удалца, с которым не могли бы сравниться ни Ивар Бескостный, ни его брат Сигурд Змеинный Глаз.

Сегодня человек должен был прыгнуть с высокой башни Дома Мудрости. И взлететь!

По крайней мере, так говорили. Всей толпе посчастливится лицезреть этот полет: будет о чем рассказывать детям и внукам. Но с неменьшей радостью зеваки посмот-

рят и на падение храбреца. Подкрепляясь хлебом и кровяной колбасой, все с одинаковым интересом ожидали любого исхода.

Пение рожков заставило зрителей разбрестись по обе стороны площади, освободив дорогу для вышедших из дворца гостей короля и свиты. Во главе, сразу за отрядом силачей, неистово дующих в сохранившиеся с незапамятных времен гигантские рога зубров, с нарочитой церемонностью выступали два короля — Шеф и Альфред Саксонский. Те, кто не видел их прежде, смотрели на разительно контрастирующие фигуры и замирали в недоумении: кто же из двоих полновластный монарх, а кого только терпят в качестве соправителя, — пока более осведомленный сосед не шептал на ухо подсказку. И действительно, Альфред в своих царственных одеждах выглядел как настоящий монарх: алый плащ поверх небесно-голубой котты, золотой венец на светлых волосах, левая рука величаво возложена на золотую рукоять старинного меча.

Идущий рядом с ним человек тоже носил алые цвета, а его плащ был соткан из такой тонкой шерсти, что казался не менее мягким снаружи, чем со стороны роскошной шелковой подкладки. Но под плащом были простые сермяжные штаны и рубаха. Король шел без меча и вообще без оружия, он вышагивал, заткнув большие пальцы за пояс, словно возвращающийся с поля крестьянин. И все же при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это вполне мог быть тот самый человек, которого северяне величали Убийцей Ивара и Убийцей Сигурда, потому что он собственными руками прикончил двух сыновей Рагнара Мохнатые Штаны — Ивара Бескостного и Сигурда Змеиный Глаз, равно как и свейского короля Кьяллака Сильного. А еще разбил под Гастингсом Карла Лысого с его франкскими копейщиками в год Господа нашего 866-й.

Возраст короля приближался к тридцати годам, и он сохранил телосложение кузнеца-оружейника: широкие плечи, могучие руки, длинные ноги и такая узкая талия, что мог бы померяться с женой — будь он женат. Но выглядел король намного старше своих лет. В черных волосах поблескивала седина, особенно заметная на висках и в короткой стриженной бороде. Правую глазницу закрывала черная повязка, а не прикрытая ею плоть была сморщенной и иссохшей. Лоб бороздили морщины. Это были следы затаенной боли, а может, и раскаяния. Поговаривали, что Шеф вышел из схватки с последними Рагнарссо-нами один-одинешенек, заплатив за победу потерей всех своих друзей. Злые языки заявляли, что его удача осталась на поле битвы, где лежали его мертвые товарищи. Другие, более информированные, утверждали: его удача так велика, что притягивает к себе чужое везенье, и он приносит смерть всем, кто оказывается слишком близко.

Как бы там ни было, король ничем не подчеркивал своего положения и богатства. Он не носил ни короны, ни дорогих украшений, не нуждался в искусных ювелирах. Правда, на руках выше локтей висело с десяток золотых браслетов, незамысловатых и грубо обработанных — видимо, не для показухи, а в качестве своеобразных денег.

Вместе с королями шествовали их приближенные: камергеры, телохранители, оруженосец Шефа, норманнские вице-короли, английские олдермены, стремящиеся находиться поближе к власти. По пятам за Шефом размашистым шагом шел человек, вызвавший уважительный шепоток среди деревенских жителей, — ростом под семь футов и такой сильный, что может запросто швырнуть предмет в двадцать, даже в двадцать пять стоунов весом.

Его голова и плечи возвышались над всеми людьми, кроме разве что самых могучих телохранителей из отборного королевского отряда. Это был викинг Бранд, носящий ныне титул богатыря всей Норвегии, а не только

его родного Холугаланда. Уже и до английской глубинки дошли передаваемые шепотом слухи о том, что он родственник горных троллей и свойственник марбендиллов из морской бездны. Лишь немногие знали, что на самом деле произошло, когда за королем шла охота по всему Северу, а расспрашивать мало кто осмеливался.

— Но где же человек, который должен лететь? — взволнованно допытывался сельский житель у своего городского родственника. — Где человек, одетый птицей?

— Он уже в Доме Мудрости со жрецами, — отвечал городской всезнайка. — Боится, что его одежду из птичьих перьев помнут в давке. Идем за королями, и ты сам все увидишь.

Толпа сомкнулась и проследовала за процессией по заново вымощенной Великой Северной дороге. Но люди шли не к городским стенам, которых в Стамфорде попросту не было, так как его линия обороны проходила далеко в море, где стояли военные корабли с катапультами, разгромившие в свое время и викингов, и франков. Зрители направлялись к деревянным хижинам простого люда, за которыми на лугу раскинулось огромное каре барачных, мастерских, кузниц, конюшен и складов, которые и представляли собой английское святилище Пути, осененное высокими крыльями ветряных мельниц. В центре возвышалась построенная по приказу Шефа каменная башня, затмевавшая все сооружения христианских королей: шестьдесят футов в высоту и сорок в ширину. А ее каменные блоки были так массивны, что окрестные керлы даже не верили, будто бы их поднимали обычные люди с помощью талей и противовесов, и рассказывали страшные сказки о заколдованных демонах.

Короли и свита прошли в высокую, обитую железом дверь. А сгрудившиеся зеваки раздалились и встали в предписанный для них полукруг.

Поднявшись по лестнице, Шеф впервые обогнал своего сопровитателя и подошел к зубцам башни. Торвин уже ждал его, одетый, как всегда, в простые, но безупречно чистые белые одежды. На шее жреца Пути висел серебряный молоточек — как знак посвящения Тору, а за пояс был заткнут настоящий молоток с двумя бойками, свидетельствуя о ремесле своего хозяина. Позади Торвина, в окружении других жрецов, стоял человек, который собирался лететь.

Шеф задумчиво приблизился к нему. На мужчине была одежда из простой домотканой шерсти, но не обычные рубаха и штаны, а нечто облегающее, словно выкроенное и сшитое из одного куска. Этот наряд почти скрывала накидка. По-прежнему молча, Шеф пригляделся. Тысячи и тысячи перьев, не просто воткнутых в шерстяную или льняную ткань, а прочно пришитых стволom к стволу. Накидка была жилками привязана к запястьям и лодыжкам, крепилась также к телу по линии плеч и вдоль позвоночника, однако свободно свисала по бокам.

Человек-птица, встретив взгляд короля, вдруг широко раскинул руки и расставил ноги. Накидка приняла форму не то паутины, не то паруса. Шеф кивнул, уловив замысел.

— Откуда ты?

Человек-птица отвесил поклон Альфреду, стоявшему на шаг позади Шефа.

— Из земель короля Альфреда, мой государь. Из Уилтшира.

Шеф воздержался от вопроса, почему человек явился к нему из другого королевства. Только один король платил серебром за новые знания, да так щедро, что изобретатели тянулись к нему из всех северных стран.

— Как у тебя появилась такая мысль?

Человек-птица выпрямился, словно приготовил свою речь заранее.

— При рождении, государь, я был крещен. Но уже много лет назад узнал об учении Пути. Я услышал историю о великом кузнеце Вёлунде Мудром и решил, что если Вёлунд смог подняться в воздух и улететь от врагов, то и у меня это получится. С тех пор я не жалел усилий, чтобы изготовить такое оперение; это последний образец из многих перепробованных мною. Ведь в сказании о Вёлунде говорится: «Смейся, наверх он взмыл, полетел в одеянье из перьев». А я верю, что слова богов правдивы — правдивее, чем сказки христиан. Взгляни, я сделал себе амулет в знак моего предназначения.

С этими словами человек очень осторожно показал пару серебряных крыльев, висевших на шейной цепочке.

В ответ на это Шеф вытащил из-за пазухи свой амулет — лесенку с одной тетивой вместо двух, краки, знак его небесного покровителя, а возможно, и отца, малоизвестного бога Рига.

— До сих пор никто не носил крыльев Вёлунда, — заметил он, обращаясь к жрецу Торвину.

— И очень немногие носят лесенку Рига.

Шеф кивнул:

— Успех многое меняет. Но скажи-ка мне, человек Вёлунда, что, кроме сказания, заставляет тебя верить, будто ты сможешь полететь?

Крылатый человек, казалось, удивился:

— Разве не очевидно, государь? Птицы летают. У птиц есть перья. Будь у людей перья, и они бы летали.

— А почему же они не сделали этого раньше?

— У них не было моей веры.

Шеф снова кивнул и неожиданно вспрыгнул на башенный зубец, застыв на узкой полоске камня. Телохранители обеспокоенно дернулись в его сторону, но путь им преградил великан Бранд.

— Полегче, полегче, — проворчал тот. — Король не из Холугаланда, но он все-таки немножко моряк. В ясный день не свалится с ровного места.

Шеф посмотрел вниз и увидел две тысячи запрокинутых лиц.

— Назад! — крикнул он, разводя руки. — Отойдите. Дайте ему место.

— Думаешь, я упаду? — спросил человек-птица. — Хочешь испытать мою веру?

Взгляд Шефа скользнул мимо него, отыскав в толпе среди поднявшихся на башню жену Альфреда, леди Уэссекс. Подруга детства Шефа и его первая любовь, Годива оставила его ради человека, в котором было больше доброты. Ради того, кто не стремился использовать других людей в своих целях. Она смотрела с укоризной.

Шеф отвел взгляд и взял человека-птицу за плечо, стараясь не смять перьев.

— Все нет, — ответил он. — Но если они не отойдут от башни, им будет плохо видно. Я хочу, чтобы эти люди могли рассказать своим детям и внукам кое-что интересное, а не только оправдываться: «Он так быстро пролетел, что я ничего не заметил». Желаю тебе удачи.

Человек-птица гордо улыбнулся, осторожно шагнул на приступку, затем встал на краю рядом с Шефом. Толпа ахнула от изумления. Летун стоял, расправив наряд на сильном ветру, который дул сзади и прижимал перья к спине. «Этот парень считает, — подумал Шеф, — что накидка подобна парусу, что она понесет его, словно корабль, по ветру. Но что, если это вовсе не парус?» Человек-птица присел, собрался с духом и стремглав ринулся вперед, крикнув во весь голос:

— Веди меня, Вёлунд!

Его руки колотили по воздуху, а накидка волнами полоскалась над ним. Шефу пришлось отвести взгляд, а потом... Удар о камни — и со двора донесся дружный стон зрителей. Посмотрев вниз, король увидел тело, лежащее футами в пятнадцати от основания башни. К нему уже бежали люди Пути, жрецы Идун-Целительницы. Среди них Шеф узнал щуплую фигурку еще одного друга детства,

бывшего раба Хунда, носившего, как и он сам, собачью кличку вместо имени. Теперь Хунда считали лучшим травником и костоправом Британии.

Должно быть, лекарей там поставил Торвин. Значит, он разделял дурные предчувствия Шефа.

Лекари внизу закричали:

— Он сломал обе ноги и сильно расшибся. Но позвоночник цел.

Годива вместе с мужем тоже заглядывали через стену.

— Смелый человек. — В ее голосе прозвучала нотка осуждения.

— Мы окажем ему самую лучшую помощь, — пообещал ей Шеф.

— А сколько денег ты бы ему дал в случае удачи, если бы он пролетел, скажем, целый фарлонг? — спросил Альфред.

— Ну, за фарлонг я заплатил бы сто фунтов серебра.

— А сейчас дашь бедняге что-нибудь за увечья?

Шеф упрямо поджал губы — не любил, когда на него давили, требуя щедрости или снисхождения. Он знал, что Годива рассталась с ним из-за его суровости. Но сам не считал себя жестоким. Он просто делает то, что должен делать. Королю надо заботиться обо всех своих подданных, а не только о тех, кто рядом.

— Верно, он смелый, — произнес Шеф, отворачиваясь, — но еще и глупый. Этот человек способен лишь на слова, а в святилище Пути признают только дела. Не так ли, Торвин? Он прочел твою книгу преданий и сделал ее своим молитвенником, вроде христианской Библии. Предпочел верить в писание, но не вдумываться в него. Нет, я приставлю к нему лучших лекарей, но ничего не заплачу.

И снова со двора донесся голос:

— Он пришел в себя! Говорит, что напрасно взял куриные перья, ведь куры роются в земле. В следующий раз будут только перья чаек.

— Помните, — произнес Шеф, обращаясь ко всем и отвечая на невысказанные упреки, — я не трачу зря казенного серебра. Ведь оно может понадобиться в любой момент. Подумайте, сколько у нас врагов.

Он повел рукой против ветра, указывая на юг и на восток.

Если бы птица или человек-птица, повинувшись жесту короля, пролетели тысячи миль над морями и землями, пересекли Ла-Манш (который называли Английским каналом и Узким морем), а потом и всю Европу, они достигли бы места давно подготавливаемой встречи. Долгие месяцы участники добирались туда по разбитым дорогам и штормовым морям, приготовив свои осторожные вопросы на языках Византии и Рима.

— Допустим, наш император в его неизреченной мудрости окажется готов рассмотреть некие соображения. Еще допустим, он употребит слабое влияние, которое имеет на его святейшество папу римского, и убедит того изменить некоторые формулировки; тогда (коль скоро мы сделали такое чисто условное допущение или, пользуясь вашим необычайно выразительным и гибким языком, приняли гипотезис, гипотезу) окажется ли возможным, что и ваш базилей, базилевс, в свою очередь, переменит свое мнение по известным вопросам? — пускали пробный шар римские католики.

— Уважаемые коллеги, оставим на минутку в стороне ваши прелюбопытные гипотезы, но, если бы наш базилевс мог, не отступая от канонов православия и не попирая прав патриарха, рассмотреть хотя бы предварительное и краткосрочное соглашение, затрагивающее упомянутую область интересов, нам бы очень захотелось узнать, какую позицию займет ваш император в животрепещущем вопросе о миссионерах в Болгарии и недостойных попытках предыдущей римской администрации оторвать

наших новообращенных от их новой веры и вернуть под эгиду Рима, — отвечали им греки.

Очень медленно эмиссары находили общий язык, постоянно лавируя, прощупывая друг друга, возвращаясь за новыми указаниями. И столь же медленно повышался ранг послов, на смену простым епископам и вторым секретарям приходили архиепископы и митрополиты, а вместе с ними появлялись и полководцы — графы и стратеги. Присылались все новые представители, но вскоре стало ясно, что, как бы ни были велики полномочия этих людей, они не осмеливаются самостоятельно решать судьбы своих империй и церквей. В конце концов не осталось другого выхода, как устроить встречу на самом высшем уровне, встречу четырех главных властителей христианского мира: папы римского, константинопольского патриарха, римского императора и базилевса греков.

Организация встречи растянулась на месяцы, так как выяснилось, что греческий базилевс только себя считает подлинным наследником Цезаря и поэтому претендует называться «римским императором», в то время как папа римский, наоборот, горячо протестует против прибавки к его титулу уточнения «римский», полагая себя наместником самого святого Петра и, следовательно, папой всех христиан, независимо от их местонахождения. Наконец протокол был согласован и удалось обговорить не только все допустимые формулировки, но и все недопустимые тоже. Участники будущей встречи притирались друг к другу деликатно и осторожно, как брачующиеся дикобразы.

Даже место встречи потребовало многократных обсуждений. Но в результате мероприятие состоялось у моря такой синевы, что и не снилось языческим королям Севера: на берегу Адриатики, омывающей Италию и Грецию, там, где один из могущественнейших римских императоров Диоклетиан когда-то построил дворец для отдыха

в Салоне, которую проникшие в те края славяне переименовали в Сплит.

Через несколько дней, заполненных изнурительными церемониями, оба монарха потеряли терпение и прогнали всех своих советников, переводчиков и секретарей. Теперь они сидели на балконе, любуясь морем. Здесь же стоял кувшин с терпким тягучим вином. Все серьезные вопросы были решены, в данный момент целая армия переписчиков золотыми и пурпурными чернилами готовила нужное количество копий обширного договора. Единственное препятствие могло возникнуть лишь со стороны глав церквей, которые уединились, чтобы поговорить о своем. Каждому его светский коллега и спонсор дал строжайшие указания избегать осложнений. Ведь у Римской кафедры, растолковал император Бруно своему ставленнику папе Иоанну, могут быть неприятности посерьезнее, чем разногласия насчет истинной природы принятого на Никейском соборе Символа веры.

Итак, императоры сидели себе, прислушиваясь, не возвращаются ли церковники, и обсуждали проблемы своих империй. Возможно, оба впервые так свободно и непринужденно говорили на эти темы. Беседа шла на латыни, которая ни для одного из них не была родным языком, зато позволяла общаться без посредников.

— Итак, у нас много общего, — задумчиво протянул греческий базилевс.

Выбранное им тронное имя, Василий I, свидетельствовало о полном отсутствии воображения, что при его биографии было неудивительно.

— Нос ille, — согласился Бруно, император римлян, как он себя называл, хотя на самом деле его подданными были и франки, и итальянцы, а больше всего германцев. — Так оно и есть. Мы люди новые. Конечно, у меня много знатных предков. Но я не из рода Шарлеманя.

— Ну, я тоже не из династии Льва, — подхватил базилевс. — Поправь меня, если ошибаюсь, но, по-моему, из рода Карла Великого уже никого не осталось.

Бруно кивнул:

— По мужской линии никого. Некоторых, например Карла Лысого, убили свои же вассалы за неудачливость в войнах. Об остальных мне пришлось позаботиться самому.

— И сколько их было? — поинтересовался Василий.

— С десятка. Мне было тем проще, что они не отличались друг от друга даже по именам. Луи Заика, Луи Германский. У каждого по три сына, но имена все те же: сплошь Карлы, Луи да Карломаны. Ну и еще кое-кто. Однако не совсем верно, что из рода Шарлеманя никого не осталось. У него есть праправнучки. Когда-нибудь, уладив остальные дела, я женюсь на одной из них.

— И твое положение упрочится.

Выражение на закаменевшем лице Бруно стало еще более суровым. Он встал со стула и потянулся за оружием, с которым никогда не расставался, невзирая на дипломатические протоколы, — копье с наконечником в форме листа, в котором сиял заново инкрустированный золотой крест. Бруно расправил могучие, как у медведя, плечи, стукнул в гладкий мраморный пол ясеневым древком копья, украшенного золотыми и серебряными накладками.

— Нет! Мое положение уже не может быть прочнее. Потому что именно я владелец Святого Копья, которым германский центурион Лонгин пронзил сердце нашего распятого Спасителя. Кто держит это копье, тот и есть наследник Шарлеманя, по праву большему, чем право крови. Я обрел это копье в битве с язычниками и вернул его христианскому миру.

Бруно почтительно поцеловал оружие и с нежностью вернул его на место. Телохранители, насторожившиеся

на своих постах, расслабились и переглянулись, едва заметно ухмыляясь.

Базилевс задумчиво кивнул. Он узнал две вещи: во-первых, этот странный выходец с франкских окраин верит в собственные басни, а во-вторых, все, что о нем рассказывали, оказалось правдой. Такому человеку не нужны телохранители, он и сам боец хоть куда. Как это похоже на франков: выбрать в короли самого сильного в поединках, не стратега, а просто воина. Впрочем, этот может оказаться и стратегом.

— А ты? — в свою очередь поинтересовался Бруно. — Ты... э-э... лишил трона своего предшественника — Михаила Пьяницу, как его прозвали. Я знаю, у него не осталось детей, чтобы начать смуту.

— Ни одного, — отрывисто подтвердил Василий, и его бледное, с черной бородой лицо залила краска.

Лев считается вторым сыном Василия, но на самом деле он был прижит от Михаила Пьяницы — об этом сообщили Бруно его шпионы. Василий убил своего повелителя за то, что тот наставил ему рога. Но грекам в любом случае необходим император, который способен блюсти трезвость, ведя войска на битвы. Греки подвергаются нападениям славян и болгар, а с востока по рекам подбираются викинги. Не прошло и двадцати лет, как флот викингов угрожал Константинополю, который норманны называют Миклагардом. Почему Василий оставил Льва в живых — неизвестно.

— Итак, мы — новые монархи. И никто из старых не бросит нам вызов. Но у нас много врагов. У нас и у всего христианского мира. Скажи-ка мне, — попросил Бруно, и его лицо напряглось, — в ком ты видишь самую страшную угрозу нам, Христу, церкви? Я имею в виду твое личное мнение, а не мнение твоих воевод и советников.

— Для меня это простой вопрос, — сказал Василий, — хотя ответ может показаться тебе неожиданным.

Ты знаешь, что твои враги, варвары с Севера, которых вы зовете викингами, поколение назад привели свои корабли к самой Византии?

Бруно кивнул.

— Когда я услышал об этом, то очень удивился. Не думал, что они способны пройти через Внутреннее море. Но твой секретарь сказал, что случилось другое — они каким-то образом провели свои ладьи по рекам Востока. Ты считаешь, величайшая опасность исходит от них? Я так и думал...

Поднятая рука остановила его речь.

— Нет. Я не считаю, что эти люди, при всей их кровожадности, являются главной опасностью. Знаешь, ведь мы купили их с потрохами. Простой люд думает, что неприятеля остановила Дева Мария, но я-то помню переговоры. Пришлось отдать немножко нашего золота. Мы разрешили викингам бесплатно посещать наши городские бани! Тут уж они не устояли. Мне они кажутся жестокими и жадными детьми. Это несерьезно. Нет, подлинная опасность исходит не от этих бесхитростных язычников, деревенских олухов. Она исходит от приверженцев Мухаммеда. — Василий потянулся за вином.

— Я пока не встречал ни одного, — признался Бруно.

— Они появились из ниоткуда. Двести пятьдесят лет назад эти поклонники ложного пророка вышли из пустыни. Разрушили Персидскую империю. Отобрали у нас все африканские провинции и Иерусалим. — Базилевс наклонился поближе. — Захватили южный берег Внутреннего моря. С тех пор на этом море не прекращается война. И пока мы ее проигрываем. Знаешь почему?

Бруно покачал головой.

— На галерах все время нужна вода. Гребцы пьют ее больше, чем рыбы. Тот, кто владеет береговыми колодцами, владеет и морем. А значит, и островами. Язычники заняли Кипр, остров Венеры. Потом Крит. Покорив Испа-

нию, дотянулись до Балеарских островов. Сейчас их флот снова тревожит Сицилию. Если захватят и ее, что тогда будет с Римом? Видишь, мой друг, они угрожают и тебе. Давно ли их армия стояла у ворот вашего священного города?

Распахнувшиеся двери, шум голосов и топот ног дали понять императорам, что беседа папы и патриарха закончилась и пора снова соблюдать церемониал переговоров. Бруно терялся в поисках ответа. «Василий — человек Востока, — думал он, — как и папа Николай, которого мы убили. Он не понимает, что предназначение находится на Западе. Он не знает, что народ Пути — уже не те жадные недоросли, которых подкупали во времена его отца. Они страшнее даже арабских последователей лжепророка, потому что пророк северян живет с ними, этот одноглазый, которого мне следовало убить, когда мой меч был у его горла.

Но спорить, наверно, не стоит. Базилевсу нужны мои береговые базы, а мне — его флот. Не для войны с арабами, а лишь для того, чтобы перевезти моих копейщиков через Английский канал. И пускай он даже обстригает сперва свои делишки. Ведь у него есть то, чего нет у людей Пути...»

Императоры встали, церковники подошли к ним; все улыбались. Поклонившись, заговорил кардинал Гюнтер, тот, что некогда был кельнским архиепископом. Родной для него и Бруно нижненемецкий диалект не понимали ни папа, ни патриарх, ни греки, ни итальянцы. Одновременно с ним кто-то из свиты патриарха завел речь на простонародном греческом: очевидно, с той же целью.

— Все решено. Они согласились, что мы имеем право добавить к Символу веры слова «и Сын» — совсем другое дело! — если только не будем делать из этого вывод о двойном сошествии Святого Духа. Нашему дурачку-итальянцу заявили, что он должен отозвать своих епис-

копов с болгарских земель и позволить святому Кириллу обучать славян письму и чтению. Мы сошлись на том, что следует осудить предыдущего патриарха Фотия Книжника. Все решено.

Бруно повернулся к Василию, чей секретарь тоже закончил отчет. Властители одновременно протянули друг другу руки.

— Мои базы в Италии, — сказал Бруно.

— Мой флот освободит Сицилию, а потом и все Внутреннее море, — ответил Василий.

«А потом Западный океан», — подумал Бруно, но придержал язык. В конце концов, он сможет отделаться от греков и их базилевса раньше. Как только агенты Бруно раскроют секрет оружия, благодаря которому Константинополь неприступен с моря. Секрет, которого не знает никто на Западе: ни римляне, ни германцы, ни люди Пути.

Секрет греческого огня.

Гаррисон Г., Холм Дж.

Г 21 Король и император : роман / Гарри Гаррисон, Джон Холм ; пер. с англ. В. Гаврилова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 608 с. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-19643-8

Побеждая в сражениях на суше и на море, исполняя волю богов, что являются в пророческих видениях, человек, поднявшийся из самых низов, становится единым королем северных народов. Шеф, мастер боевых и мирных ремесел, совершил поистине невозможное, заставив вчерашних заклятых врагов прекратить взаимное истребление. Но теперь ему бросает вызов возрожденная Священная Римская империя, которая заключила временный союз с могущественной Византией, чтобы расправиться с загадочным англо-норманнским монархом и расцветающими под его защитой странами.

Понимая, что драккары викингов не могут противостоять мечущим греческий огонь галерам, Шеф в поисках равноценного оружия отправляется в новый поход — на Восток, к сокровищнице знаний мусульманской цивилизации.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

ГАРРИ ГАРРИСОН, ДЖОН ХОЛМ
КОРОЛЬ И ИМПЕРАТОР

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой
Корректор Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.05.2021. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 38.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-MPR-28397-01-R